

⁵ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006. Т. 1. С. 721.

⁶ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1989. С. 377.

⁷ См.: Макарова Н. Н. Организация деятельности уголовно-исполнительной системы по социальной и правовой защите персонала : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 28.

⁸ Ларин А. М. Защита прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизма защиты прав человека. 2011. № 4. С. 58.

⁹ См.: Шубина И. И. Организационное обеспечение правовой защиты сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 45.

¹⁰ См.: Воробей Д. А. Обеспечение безопасности защищаемых лиц оперативно-розыскными мерами // Российский следователь. 2014. № 11. С. 38–41.

¹¹ См.: СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

¹² См.: Там же. 2014. № 31. Ст. 4398.

¹³ См.: Дербина О. В. Организационно-правовые проблемы реализации сотрудниками уголовно-исполнительной системы права на получение денежной компенсации за найм (поднаём) жилых помещений // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 56–59.

¹⁴ См.: Епифанов С.С. Совершенствование организационно-правовых основ правоохранительной деятельности по обеспечению государственной защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы // Известия ТулГУ. Вып. 3. Ч. II: Юридические науки. Тула, 2015. С. 98–96; Захарченко С. Н. Государственная защита сотрудников уголовно-исполнительной системы как приоритетное направление деятельности в условиях модернизации УИС // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития : сб. докл. участников междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2012. Т. 3. С. 136–138.

¹⁵ См.: Кудрявцев А. В. Обеспечение государственной защиты сотрудников УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 4 (143). С. 13–18.

¹⁶ См.: Антипов А. Н. Осуществление государственной защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 12. С. 2–3.

¹⁷ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

⁵ Sm.: Dal' V. I. Tolkovjy slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. M., 2006. T. 1. S. 721.

⁶ Sm.: Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka / pod red. N. Ju. Shvedovoj. M., 1989. S. 377.

⁷ Sm.: Makarova N. N. Organizacija dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy po social'noj i pravovoj zashhite personala : dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2006. S. 28.

⁸ Larin A. M. Zashhita prav cheloveka i grazhdanina v ugovolnom sudoproizvodstve // Konstitucija Rossijskoj Federacii i sovershenstvovanie mehanizma zashhity prav cheloveka. 2011. № 4. S. 58.

⁹ Sm.: Shubina I. I. Organizacionnoe obespechenie pravovoj zashhity sotrudnikov organov vnutrennih del : dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1999. S. 45.

¹⁰ Sm.: Vorobej D. A. Obespechenie bezopasnosti zashhishhaemyh lic operativno-rozysknymi merami // Rossijskij sledovatel'. 2014. № 11. S. 38–41.

¹¹ Sm.: SZ RF. 1995. № 48. St. 4563.

¹² Sm.: Tam zhe. 2014. № 31. St. 4398.

¹³ Sm.: Derbina O. V. Organizacionno-pravovye problemy realizacii sotrudnikami ugovolno-ispolnitel'noj sistemy prava na poluchenie denezhnoj kompensacii za najm (podnajm) zhilyh pomeshhenij // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 1 (25). S. 56–59.

¹⁴ Sm.: Epifanov S.S. Sovershenstvovanie organizacionno-pravovyh osnov pravoohranitel'noj dejatel'nosti po obespecheniju gosudarstvennoj zashhity sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Izvestija TulGU. Vyp. 3. Ch. II: Juridicheskie nauki. Tula, 2015. S. 98–96; Zaharchenko S. N. Gosudarstvennaja zashhita sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy kak prioritnetnoe napravlenie dejatel'nosti v uslovijah modernizacii UIS // Ugovolno-ispolnitel'naja sistema Rossijskoj Federacii v uslovijah modernizacii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija : sb. dokl. uchastnikov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Rjazan', 2012. T. 3. S. 136–138.

¹⁵ Sm.: Kudrjavcev A. V. Obespechenie gosudarstvennoj zashhity sotrudnikov UIS // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2014. № 4 (143). S. 13–18.

¹⁶ Sm.: Antipov A. N. Osushhestvlenie gosudarstvennoj zashhity sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2014. № 12. S. 2–3.

¹⁷ Sm.: Vedomosti SND i VS RF. 1993. № 33. St. 1316.

УДК 343.8:34.06

Пробелы в уголовно-исполнительном праве как следствие несоблюдения внешней формы законодательной техники

А. А. ХРАМОВ – инспектор отдела безопасности ИК-35 УФСИН России по Республике Хакасия

В статье рассматриваются субъективные причины возникновения пробелов в уголовно-исполнительном праве, приводятся примеры технических пробелов, вызванных несоблюдением терминологических, стилистических, логических и иных правил построения отдельных норм УИК РФ.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пробелы в уголовно-исполнительном праве; технические пробелы; внешняя законодательная техника.

Gaps in the penal law as the consequence of the non-observance of external form of legislative technique

A. A. KHRAMOV – Inspector of the Security Department of the Penal Colonie 35 of the Federal Penal Service of Russia in the Republic of Khakassia

The article examines the subjective reasons for the appearance of lacunae in the penal law, provides examples of technical lacunae caused by the non-observance of terminological, stylistic, logical and other rules for the construction of certain norms of the Penal Code of Russian Federation.

Key words: lacunae in the penal law; technical lacunae; external legislative technique.

Форма уголовно-исполнительного права, как и любой другой отрасли права, подразделяется на две взаимосвязанные подсистемы, которые в реальности не могут существовать друг без друга. Как справедливо утверждал А. А. Ушаков, создание права происходит одновременно в единстве содержания и формы¹. Причем, если внутренняя форма выражения определяет структуру отдельных норм, институтов и всей отрасли уголовно-исполнительного права в целом, то внешняя – ее оформление².

Полное и правильное использование правотворческим органом правил, приемов, средств и других компонентов внешней формы законодательной техники обеспечивает точное выражение содержания нормативных правовых актов, их доступность и возможность наиболее рационального использования в правоприменительной деятельности.

В данной статье пойдет речь о терминологических (языковых, лингвистических), стилистических, логических и иных правилах построения норм права.

Лингвистические правила, являясь основным средством коммуникации, играют важную роль в развитии эффективной правовой системы любого государства. Они, как справедливо отмечает С. Д. Бражник, обеспечивают оптимальность текста для наилучшего восприятия адресатом выраженных языковыми средствами правовых норм³.

Терминологические обороты в уголовно-исполнительном праве, как и любой другой отрасли, имеют свою специфику, обусловленную самобытностью ее развития, целями и задачами, поставленными перед ней государством. Вместе с тем, пишет А. В. Иванчин, они должны отвечать общим требованиям, предъявляемым к особому стилю литературного языка – «языку права»⁴. К таковым автор относит ясность

и точность, недопущение экспрессивности, языковую стандартизованность, композиционность, унифицированность и др.

Если законодатель при разработке нормативного правового акта будет придерживаться всех требований одного из компонентов внешней законодательной техники, то во многом обеспечит его дальнейшую эффективность, которая будет достигаться за счет отсутствия в законе пробелов и других дефектов права. Однако в действительности добиться этого очень сложно. Именно поэтому за последние 20 лет в уголовно-исполнительное законодательство внесено огромное количество (свыше 300) изменений и дополнений. Некоторые из них были направлены и на устранение неточности и неясности языка уголовно-исполнительных норм, приводящей к пробелам в последних. Так, одна из ранее действующих редакций ч. 1 ст. 177 УИК РФ предусматривала, что осужденным беременным женщинам и осужденным женщинам, имеющим малолетних детей, отбывающим наказание в исправительной колонии, судом может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста. Буквальное толкование данной нормы позволяло сделать вывод о том, что на отсрочку могли рассчитывать только те женщины, которые имеют нескольких детей. Сложившаяся в связи с этим ситуация, естественно, никак не соответствовала правовой природе рассматриваемого института права и его социальному назначению. Более того, в ходе реализации эксперимента по апробированию предоставления отсрочки данной категории лиц суд в то время (с 1991 по 1992 г.) ограничивался лишь наличием одного ребенка. Именно поэтому в юридической литературе неоднократно высказывались обоснованные суждения о том, что для предоставления отсрочки от-

бывания наказания женщине достаточно иметь одного ребенка до 14 лет⁵.

Неясность и неточность законодательной терминологии в сфере предоставления отсрочки от отбывания наказания привела к образованию не столько двусмысленного понятия, сколько частичного пробела. И вот почему.

Во-первых, если обратиться к мнению В. И. Наумова, который считает применение расширительного и ограничительного толкования вполне возможным, поскольку норма не всегда может четко выражать волю законодателя⁶, то возникает логичный вопрос: как установить тот истинный смысл, который законодатель вкладывает в ту или иную норму и как соотносятся между собой институт толкования и аналогии?

Обращаясь в правовому регулированию отсрочки, можно выделить два направления решения возникшей проблемы. Если считать отсутствие указания на наличие одного ребенка пробелом, то правоприменителю в лице суда придется использовать аналогию права, которая прямо запрещена ст. 3 УК РФ. Если же законодатель действительно подразумевал под данной терминологией все возможные направления общественных отношений, складывающихся по поводу реализации материальных норм (наличие одного либо нескольких детей), то необходимо воспользоваться механизмом толкования. Однако и его, по нашему мнению, нельзя применять в рассматриваемом случае.

Как отмечают некоторые ученые-правоведы⁷, распространительное толкование норм, в отличие от аналогии закона, направлено на более глубокое раскрытие их смысла, который вытекает из нее и охватывается ею. Вместе с тем, поскольку вопрос о субъектах расширительного толкования не нашел своего отражения в законе, а точки зрения ученых на возможности его применения расходятся, фактически расширительное толкование, по мнению М. А. Кауфмана, представляет собой скрытую аналогию уголовного закона, им же и запрещенную⁸. Подобной позиции придерживается и С. Ф. Милуков⁹.

Единственным правильным выходом в сложившейся ситуации стало принятие новой редакции ст. 177 УИК РФ и ст. 82 УК РФ федеральным законом от 21.02.2010 г. № 16-ФЗ. При разработке новой нормы был использован бланкетный способ ее оформления с отсылкой на уголовное законодательство, предусматривающее возможность получения отсрочки женщине, имеющей ребенка (не детей) до 14 лет.

Следующим элементом повышения эффективности реализации уголовно-исполнительной политики является унифицирование терминологии уголовно-исполнительного и других отраслей права, несоблюдение правил и приемов которого приводит к появлению пробелов в законодательстве и нарушению в связи с этим прав и законных интересов осужденных.

Яркий тому пример – ст. 101 УИК РФ. В соответствии с ч. 2 данной статьи в лечебных исправительных учреждениях (ЛИУ) организуется амбулаторное лечение и содержание осужденных только с открытой формой туберкулеза. Вместе с тем, как показывает практика, такой подход противоречит реальному положению вещей, поскольку в лечебно-исправительных учреждениях для больных туберкулезом в настоящее время содержатся и проходят амбулаторное лечение осужденные с активной формой туберкулеза, а не только с «открытой». Буквальное толкование термина «открытый туберкулез» позволяет говорить о том, что в данных учреждениях могут отбывать наказание только осужденные, выделяющие в окружающую среду бактерии. По всей видимости, законодатель имеет в виду и вовсе одну из форм данного заболевания – туберкулез легких.

В свою очередь под активной формой понимается туберкулез, признаки активности процесса которого установлены в результате проведения клинических, лабораторных, рентгенологических исследований¹⁰. Сюда можно отнести и внелегочные формы заболевания (костей, кишечника и др.), которые могут носить закрытый характер. В соответствии с ведомственными нормативными актами лечение в амбулаторных условиях противотуберкулезных лечебно-исправительных учреждений оказывается и после успешно завершено стационарного этапа лечения и прекращения бактериовыделения с соблюдением принципа раздельного и изолированного содержания.

Сравнительный анализ указанных понятий дает нам основания полагать, что действующим уголовно-исполнительным законодательством регулируется возможность размещения в данных учреждениях только осужденных, которые больны туберкулезом легких и выделяют микобактерии. Получается, что остальные категории, которые нуждаются в профессиональном амбулаторном лечении (не в стационарном) и имеют активную форму, почему-то не могут содержаться в ЛИУ. На практике же происходит обратное, и, как свидетельствует проведенный нами опрос сотрудников ЛИУ Сибирского феде-

рального округа, отбывают наказание в данных учреждениях не только осужденные с открытой формой туберкулеза.

По нашему мнению, законодателю необходимо использовать именно этот термин (активная форма), установленный федеральным законодательством и используемый в медицине, что позволит устранить технический пробел, существующий в особенной части уголовно-исполнительного законодательства.

Игнорирование правил лингвистического единства понятий нередко можно выявить при сравнении правового регулирования схожих институтов права. В уголовно-исполнительной отрасли можно, например, выделить механизм изменения условий отбывания наказания, вида исправительного учреждения и условно-досрочное освобождение, которые тесно связаны с элементами так называемой прогрессивной системы отбывания наказания.

Основания позитивных изменений условий законодатель дифференцировал на формальные и материальные. К первым в юридической литературе принято относить отбытие определенного срока наказания, установленного судом, ко вторым – оценку поведения осужденного¹¹.

Вместе с тем не во всех статьях УИК РФ материальный критерий определяется одинаковой терминологией, что приводит к некоторым проблемам в правоприменительной деятельности исправительных учреждений. К примеру, в ст. 120, 122, 124 УИК РФ предусматривается, что при отсутствии взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания и добросовестном отношении к труду по отбытии не менее указанного в этих статьях срока наказания в обычных условиях отбывания наказания осужденные могут быть переведены в облегченные условия. Если обратиться к аналогичным нормам, регулирующим порядок изменения условий отбывания наказания в отношении несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, то можно заметить некоторые отличия. Так, в ч. 4 ст. 132 УИК РФ в качестве элемента материального критерия выделяется, помимо указанных выше, дополнительно «отношение к учебе». Естественно, что такой подход обусловлен необходимостью обучения несовершеннолетних осужденных как социально не защищенной категории граждан. В то же время непонятно, почему законодатель не включил его в материальное основание для измене-

ния условий в отношении совершеннолетних осужденных, отбывающих наказания в исправительных колониях, значительная доля которых (более 40 %) обязана получать образование в соответствии со ст. 108 УИК РФ¹².

Отсутствие критерия «отношение к обучению» в соответствующих статьях уголовно-исполнительного законодательства нельзя оправдать «квалифицированным молчанием законодателя», обусловленным малочисленностью указанной категории осужденных и вследствие этого нецелесообразностью включения такого элемента материального основания в соответствующие нормы.

Вовсе неопределенным является материальный критерий изменения условий отбывания наказания в тюрьмах. Так, согласно ч. 5 ст. 130 УИК РФ, осужденные по отбытии не менее одного года срока наказания на строгом режиме могут быть переведены на общий режим. При этом законодатель по не совсем понятным причинам не устанавливает критерии, которые, согласно преобладающей в пенитенциарной науке точке зрения, являются основанием изменения условий и по которым можно судить об изменении поведения осужденного в лучшую сторону¹³. Получается, что на общий режим может быть переведен и осужденный, совершавший нарушения и имеющий взыскания, что, по мнению С. Л. Бабаяна, не способствует его исправлению¹⁴. Для решения указанной проблемы необходимо, на наш взгляд, предусмотреть в ч. 5 ст. 130 УИК РФ в качестве материального основания перевода осужденного для отбывания наказания с одного вида режима на другой факт отсутствия у него взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания. Однако и в этом случае не прослеживается единство терминологии со всеми остальными нормами уголовно-исполнительного права. Отсутствие указания на критерий в виде отношения осужденного к основным средствам исправления (учебе и труду), предусмотренного ч. 2 ст. 9 УИК РФ, не позволит администрации учреждения объективно оценить степень исправления осужденного, что, в свою очередь, противоречит смыслу самой прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы.

Анализ научной литературы позволяет заключить, что на отсутствие систематизации критериев оценки поведения осужденных, единого подхода к их формулированию указывали многие авторы¹⁵.

По нашему мнению, пробелы в данной сфере следует устранять не с помощью дополнения соответствующих статей отдельными критериями исправления (в виде отношения к учебе, труду и др.), а с помощью единой оценочной категории «поведение осужденного», которая объединила бы указанные понятия. Такой подход отчасти признается Ю. М. Ткачевским и С. Н. Смирновым, которые относят добросовестное отношение к труду и учебе к категориям, определяющим поведение осужденного и его законопослушание¹⁶.

Таким образом, проведенный анализ технических пробелов уголовно-исполни-

тельного права позволяет сделать вывод о том, что терминологические, стилистические, логические и иные правила построения норм уголовно-исполнительного права играют важную роль в точном и правильном выражении воли законодателя, несоблюдение данных правил законодателем приводит к образованию различных дефектов права, в том числе пробелов. От того, насколько развит уровень внешней формы законодательной техники, зависит в первую очередь эффективность реализации институтов права, достижение целей и задач уголовно-исполнительного законодательства и уголовно-исполнительной политики в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ушаков А. А. Методологические основы и законодательный метод в советском правотворчестве // Ученые записки Пермского государственного университета (юрид. науки). Пермь, 1966. С. 136.

² См.: Иванчин А. В. Законодательная техника в уголовном правотворчестве (понятие и структура) // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 125.

³ См.: Бразник С. Д., Касаткина Н. Н. Лингвистические (языковые) правила в законодательной технике // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 10–11.

⁴ См.: Иванчин А. В. Внутренняя и внешняя законодательная техника в структуре уголовного правотворчества : моногр. Рязань, 2014. С. 44.

⁵ См., напр.: Скобелин С. Применение отсрочки отбывания наказания // Уголовное право. 2011. № 4. С. 57–60.

⁶ См.: Наумов В. И. Толкование норм права : учеб. пособие. М., 1998. С. 9.

⁷ См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 2002. С. 47.

⁸ См.: Кауфман М. А. Некоторые вопросы применения норм Общей части УК РФ // Государство и право. 2000. № 6. С. 57.

⁹ См.: Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 41.

¹⁰ См.: О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации : федер. закон от 18.06.2001 г. № 77-ФЗ (ред. от 23.05.2016 г.) // Российская газета. 2001. № 118–119.

¹¹ См.: Дроздов А. И. Изменение условий отбывания лишения свободы в механизме ресоциализации осужденных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 14.

¹² См.: Тихомиров А. Н. Криминологическая характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы // Правовое поле современной экономики. 2016. № 2. С. 161.

¹³ См., напр.: Ткачевский Ю. М. Проблемы прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний // Проблемы совершенствования уголовных наказаний. Рязань, 1983. С. 20; Епанешников В. С. Дисциплинарные меры воздействия на осужденных к лишению свободы как институт исправительно-трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 15; Аванесов Г. А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система). М., 1968. С. 10 и др.

¹⁴ См.: Бабаян С. Л. Совершенствование правового регулирования поощрительных институтов изменения условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2. С. 47.

¹⁵ См.: Голодов П. В., Рудаков А. М. Критерии оценки поведения осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве: вопросы систематизации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 64–67.

¹⁶ См.: Ткачевский Ю. М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 2007. С. 82;

¹ См.: Ushakov A. A. Metodologicheskie osnovy i zakonodatel'nyj metod v sovetskom pravotvorchestve // Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (jurid. nauki). Perm', 1966. S. 136.

² См.: Ivanchin A. V. Zakonodatel'naja tehnika v ugovolnom pravotvorchestve (ponjatie i struktura) // Juridicheskaja tehnika. 2008. № 2. S. 125.

³ См.: Brazhnik S. D., Kasatkina N. N. Lingvisticheskie (jazykovye) pravila v zakonodatel'noj tehnike // Juridicheskaja nauka. 2014. № 3. S. 10–11.

⁴ См.: Ivanchin A. V. Vnutrennjaja i vneshnjaja zakonodatel'naja tehnika v strukture ugovolnogo pravotvorchestva : monogr. Rjazan', 2014. S. 44.

⁵ См., напр.: Skobelin S. Primenenie otsrochki otbyvanija nakazaniya // Ugovolnoe pravo. 2011. № 4. S. 57–60.

⁶ См.: Naumov V. I. Tolkovanie norm prava : ucheb. posobie. M., 1998. S. 9.

⁷ См.: Ugovolnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshhaja chast' / pod red. B. V. Zdravomyslova. M., 2002. S. 47.

⁸ См.: Kaufman M. A. Nekotorye voprosy primeneniya norm Obshhej chasti UK RF // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 6. S. 57.

⁹ См.: Miljukov S. F. Rossijskoe ugovolnoe zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza. SPb., 2000. S. 41.

¹⁰ См.: О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации : федер. закон от 18.06.2001 г. № 77-ФЗ (ред. от 23.05.2016 г.) // Rossijskaja gazeta. 2001. № 118–119.

¹¹ См.: Drozdov A. I. Izmenenie uslovij otbyvanija lisheniya svobody v mehanizme resocializacii osuzhdennyh : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Samara, 2010. S. 14.

¹² См.: Tihomirov A. N. Kriminologicheskaja harakteristika muzhchin, osuzhdennyh k lisheniju svobody // Pravovoe pole sovremennoj jekonomiki. 2016. № 2. S. 161.

¹³ См., напр.: Tkachevskij Ju. M. Problemy progressivnoj sistemy ispolnenija ugovolnyh nakazaniy // Problemy sovershenstvovanija ugovolnyh nakazaniy. Rjazan', 1983. S. 20; Epaneshnikov V. S. Disciplinarnye mery vozdeystvija na osuzhdennyh k lisheniju svobody kak institut ispravitel'no-trudovogo prava : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1993. S. 15; Avanesov G. A. Izmenenie uslovij soderzhanija osuzhdennyh v processe otbyvanija lisheniya svobody (progressivnaja sistema). M., 1968. S. 10 i dr.

¹⁴ См.: Babajan S. L. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovanija pooshhritel'nyh institutov izmeneniya uslovij otbyvanija nakazaniya i vida ispravitel'nogo uchrezhdenija // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2012. № 2. S. 47.

¹⁵ См.: Golodov P. V., Rudakov A. M. Kriterii ocenki povedeniya osuzhdennyh v ugovolno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve: voprosy sistematzacii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 3 (35). S. 64–67.

¹⁶ См.: Tkachevskij Ju. M. Rossijskaja progressivnaja sistema ispolnenija ugovolnyh nakazaniy. M., 2007. S. 82; Smirnov S. N. Princip racional'nogo primeneniya mer prinuzhdenija, sredstv ispravlenija osuzhdennyh i stimulirovanija ih pravoposlushnogo povedeniya pri ispolnenii nakazaniya v vide lisheniya svobody : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2003. S. 18.

Смирнов С. Н. Принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения при исполнении наказания в виде лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 18.

УДК 343.82

Исполнение лишения свободы в отношении инвалидов и пожилых лиц

Ю. М. ЗАБОРОВСКАЯ – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

В статье рассматриваются некоторые аспекты исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных инвалидов и осужденных пожилого возраста с учетом изменений, внесенных в действующее уголовно-исполнительное законодательство, связанных с ратификацией Российской Федерацией Конвенции ООН о правах инвалидов. На основании анкетирования начальников исправительных учреждений делаются выводы о соблюдении прав указанной категории осужденных.

Ключевые слова: лишение свободы; осужденные инвалиды; пожилые осужденные; гуманизация наказаний; международные стандарты; соблюдение прав; дифференциация и индивидуализация наказания.

Execution of imprisonment of disabled and elderly persons

YU. M. ZABOROVSKAYA – Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Applicant of the Faculty of Scientific and Pedagogical Staff Training of the Academy of the Federal Penal Service of Russia

The article examines some aspects of the execution of imprisonment of disabled and elderly convicts, taking into account the changes in the current penal legislation related to the ratification of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities by the Russian Federation, on the observance of the rights of this category of convicts. The author concludes on the observance of rights of this category of convicts on the basis of the questioning of the heads of correctional institutions.

Key words: imprisonment; disabled convicts; elderly convicts; humanization of punishments; international standards; observance of rights; differentiation and individualization of punishment.

По данным ФСИН России, на 1 мая 2017 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 513 080 осужденных¹. К наиболее уязвимым и незащищенным с позиции состояния здоровья и трудоспособности принято относить осужденных инвалидов, женщин, несовершеннолетних и лиц пожилого возраста. Инвалидов и лиц пожилого возраста можно объединить в

одну группу маломобильных осужденных, нуждающихся в дополнительных социальных гарантиях в связи с полной или частичной утратой способности либо возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, обеспечивать основные жизненные потребности в силу заболевания, травмы, возраста или наличия инвалидности².